

В. А. Алленова

Воронежская община протоиерея Митрофана Бучнева

В статье впервые воссоздается история и состав женской религиозной общины, созданной до революции в с. Красная Долина Задонского уезда Воронежской губернии свящ. Митрофаном Федоровичем Бучневым, имя которого включено в базу данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.». После вынесения Бучневу обвинительного (условного) приговора в 1920 г. и его переезда в г. Воронеж часть членов общины последовала за ним, и вскоре это объединение стало центром притяжения для верующих воронежцев из различных социальных слоев. По документальным источникам прослеживается судьба членов общины и самого священника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Воронеж, прот. Митрофан Бучнев, блаженная Феоктиста, община, чернички, репрессии против духовенства, концлагерь.

Одним из наиболее драматичных периодов в истории православных братств и общин являются первые послереволюционные десятилетия. Существование союзов верующих в прежних формах оказалось невозможным, в силу чего они были вынуждены переходить на полуполегалное положение, постоянно находясь под угрозой преследования и ликвидации. История многих подобных добровольных объединений мирян уже исследована, однако целый ряд из них до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Одним из таких объединений, история которого впервые освещается в настоящей статье, является община прот. Митрофана Федоровича Бучнева, существовавшая в г. Воронеже в 1920-е — начале 1930-х гг. Имя воронежского священника, жизнь которого представляет собой образец стойкости и верности своему служению, вошло в базу данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» [*Новомученики*].

Митрофан Федорович Бучнев родился 20 ноября 1876 г. в с. Веневитинова Хава Воронежского уезда¹ в семье псаломщика Дмитриевской церкви (ныне объект исторического и культурного наследия областного значения). В семье было еще трое братьев — Михаил, Яков и Александр, которые впоследствии также станут священниками и пострадают от гонений на духовенство. В 18 лет Митрофан Бучнев женился на дочери священника, служившего при Воронежском училище для слепых — Елизавете Георгиевне (1882 г. р.), в браке с которой родилось восемь детей².

В 1897 г. Митрофан Бучнев окончил Воронежскую духовную семинарию [*Разрядный список*, 250] и был рукоположен в иереи. Так началось его служение, первые годы которого были отмечены постоянными перемещениями в различные приходы епархии. Так, 1 ноября 1897 г. о. Митрофан был назначен псаломщиком Преображенской церкви в сл. Калач Бирюченского уезда [*Распоряжения 1897*, 480], 11 мая 1898 г. он определен в дьяконы Богословской церкви в с. Н. Студенец Задонского уезда [*Распоряжения 1898*, 190], 2 ноября 1898 г. его переводят в Богоявленский храм с. Патриаршее (другие названия — Нижний Студенец, Водопьяново, ныне — Донское) Задонского уезда [*Дело 168. Л. 236 об.*], 18 августа 1902 г. — в Преображенскую церковь Покровского женского монастыря в г. Воронеж [*Распоряжения 1902*, 341].

Уже в молодости о. Митрофан Бучнев начал посещать один из главных духовных центров России — Оптину Пустынь, где особенно сблизился со старцами Иосифом (Литовкиным) и Анатолием-младшим (Потаповым). Увидев в молодом воронежском священнике глубокие духовные дарования, старцы благословили его на духовничество [*Новикова*, 45].

15 декабря 1906 г. о. Митрофан был назначен священником в Преображенскую церковь сл. Калач Богучарского уезда [*Распоря-*

1. В воронежской историографии бытуют неверные сведения о годе и месте рождения о. Митрофана Бучнева, перенесенные в базу данных Свято-Тихоновского университета. Называются 1872 и 1880 гг., местом рождения указывается с. Красная Долина (см.: [*Изакар и др.*, 363; *Список*, 36]). Собственноручные записи прот. Митрофана Бучнева, сохранившиеся в архивном деле революционного трибунала, позволили автору уточнить его биографические данные [*Дело 1. Л. 3*].

2. Одна из них — Надежда, часто бывавшая в Оптиной Пустыни, считалась любимой ученицей старца Нектария и собиралась посвятить жизнь монашеству, однако не смогла этого сделать из-за закрытия монастырей. Надежда выйдет замуж за члена общины своего отца А. П. Мануйлова (в будущем о. Митрофана, архимандрита).

жения 1906, 12], а 16 октября 1908 г. — в Покровскую церковь с. Красная Долина Землянского уезда [*Распоряжения 1908, 416*] (ныне село относится к Касторенскому району Курской области).

В первой половине XIX в. в Красной Долине было крепостное селение помещиков Охотниковых, затем оно было куплено А. И. Алехиным, будущим губернским предводителем дворянства (1904–1917), депутатом IV Государственной думы, отцом чемпиона мира по шахматам А. Алехина. Остатки усадьбы (господский дом, склады, маслозавод, конюшня) в настоящее время признаны памятниками архитектуры.

В начале XX в. Красная Долина была довольно развитым селом — в нем проживало около тысячи жителей, были волостное правление, школа, лавки и ярмарка. Здесь и застала о. Митрофана революция. К этому времени его духовный авторитет был уже очень высок — неизменно бережное отношение к каждому из прихожан, искренность, бескорыстие снискали священнику народную любовь. Он прославился не только как пастырь, ведущий праведную жизнь, но и как врачеватель и прозорливец. По свидетельству крестьян, «к нему со всех концов ехали умалишенные, припадочные, и каждый день возле квартиры священника можно было видеть от 6 до 10 подвод» [*Дело 1. Л 41*].

С апреля 1914 г. под духовным попечительством о. Митрофана начала образовываться община, состоявшая из «черничек» — так называли сельских девушек, не вступивших в брак по обету родителей или своему собственному. Исследователи отмечают, что черничество, как форма своеобразного монашества в миру, было настолько распространенным явлением среди крестьянок дореволюционной России, что в дореволюционных статистических справочниках черничек причисляли к особой социальной группе населения [*Кириченко 2011, 113*]. Е. Б. Емченко указывает, что первоначально женские общины возникали помимо воли государственной и церковной власти по инициативе самих женщин, и только спустя продолжительное время государство признало их право на существование [*Емченко, 151*]. Исследовательница считает, что такое уникальное явление в истории монашества, как женские общины, возникло из религиозной потребности женщин и стало ответной реакцией на государственное законодательство, существовавшее в отношении женских монастырей с начала XVIII в.

Л. А. Тульцева добавила к этой причине еще и социальный фактор — крайнюю бедность таких девушек и возможное сирот-

ство части из них. Она выделила два типа черничек: «домашние» и «келейницы» (другие названия — «спасеницы», «вековуши», «Христовы невесты»). Первые жили в родных семьях, выполняли домашние и хозяйственные работы, но не занимались сельскохозяйственным трудом. Однако чаще встречались чернички второй категории — келейницы, которые уходили из семей, устраивали себе на окраинах деревень кельи (избушки) и вели скитскую жизнь, поддерживая связь с монастырями. Келейницы совершали обряды похоронно-погребального цикла, обучали крестьянских детей письму и чтению часослова и псалтири, основам богослужения, занимались сбором целебных трав и рукоделием³. Черничек отличали особые моральные и духовные качества — трудолюбие, набожность, смирение, за что они пользовались уважением у односельчан. Таким образом, по мнению исследователей, черничество «сыграло выдающуюся роль в процессе подготовки сельских девушек к монастырю тем, что чернички обучали девушек церковнославянской грамоте, знакомили с духовной литературой, формировали начальные представления об аскетизме, и в этом смысле русская деревня в лице черничек имела совершенно уникальный социальный организм и эффективный народный инструмент приобщения к церковной грамотности и духовности» [Кириченко 2010, 23].

Члены существовавшей в с. Красная Долина женской общины относились ко второму типу черничек — келейниц. Первоначально община насчитывала примерно двадцать человек. Девушки строго соблюдали посты, усердно читали религиозную литературу, пели и читали молитвы в храме, занимались его уборкой, пекли просфоры, помогали о. Митрофану в лечении приезжавших к нему больных [Дело. 1. Л. 27].

После революции община значительно выросла в количестве — оптинские старцы благословили о. Митрофана взять под свое покровительство оставшихся без крова и попечения послушниц, которые влились в уже существовавшее в Красной Долине сообщество. Несмотря на то, что окончательная ликвидация женских монастырей⁴ произошла позднее, чем мужских, к концу 1920-х гг., некоторые насельницы вынужденно покидали свои

3. Подробнее см.: [Тульцева 2006; Тульцева 1999].

4. До революции в Воронежской губернии существовало шесть женских монастырей: Покровский (Воронеж), Богородице-Тихоновский

и Свято-Троицкий (Задонск), Знамения Божией Матери (Землянск), св. великомученицы Варвары (Нижнедевицк), Софийский (Усмань).

обитатели и искали новые формы религиозного существования. Таким образом, вокруг о. Митрофана образовалась большая полумонашеская женская община, которую он окормлял духовно. Жили ее члены в заброшенной помещичьей усадьбе Алехиных, ведя совместно хозяйственную и духовную жизнь. Понятно, что такого рода общественно-религиозная организация не вписывалась в формат нового социального устройства и не могла привлечь внимания местных органов власти. Можно догадываться об отношении прот. Митрофана Бучнева к советской власти, хотя он никогда не использовал свой духовный авторитет для агитации против нее. Утверждая, что безбожная власть послана народу и церкви в наказание, священник повторял: «Что заслужили, то и примите с покорностью» [Новикова, 45].

Однако краснодольские коммунисты не могли примириться с положением своеобразного двоевластия — непререкаемый авторитет протоиерея фактически лишил их возможности влиять на его прихожан. В итоге в мае 1920 г. Бучнев был арестован по обвинению в организации «штаба монашек» — «женского монастыря, в котором скрываются бездельники единомышленники, распространяющие волнующие население ложные слухи» [Дело 1. Л. 24]. Реакция прихожан последовала незамедлительно — собранный набатом сельский сход составил протокол с несколькими сотнями подписей в защиту священника и просьбой освободить его «как человека ни в чем не виновного», а также заявлением о том, что крестьяне берут его на поруки [Дело 1. Л. 22]. Возымел, очевидно, действие и собранный денежный залог в размере 25 тысяч рублей, так что в результате о. Митрофан был освобожден и вернулся на место служения. Однако спустя месяц он был вновь арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации, под которой подразумевалась все та же опекаемая им женская община. Землянское уездное политбюро милиции, рассмотрев дело М. Бучнева, признало его виновным в «высшей степени». Назвав священника «паразитом трудящихся масс и ненадежным элементом, нетерпимым в Советской республике», политбюро направило его дело в Воронежскую губчека с ходатайством о применении строгих мер наказания [Дело 1. Л. 24].

Весть об очередном аресте о. Митрофана с новой силой всколыхнула крестьян нескольких поселений, вновь собравшихся на сходы. Их участники единогласно выступили в защиту протоиерея, заявив о том, что из-за начавшейся эпидемии они остро нуждаются в священнике и никого другого на месте о. Митрофана

видеть не хотят. При этом крестьяне особо подчеркивали его внимательное отношение к прихожанам и бескорыстность:

Службу же вел как истинный пастырь, никогда не беря за требы денег, и чем кормился — только имеет на один день пропитания, уже на второй не заготавливает [Дело 1. Л. 27].

Организаторов сходов впоследствии будут допрашивать по поводу «поднятия контрреволюционного выступления в связи с арестом священника за пропаганду и ведение им местнической политики среди населения» [Дело 1. Л. 10–11]. На этот раз были привлечены и «правильные» свидетели, которые дали нужные обвинения показания. Так, военный комиссар Кулагин заявил, что М. Бучнев «у себя завел банду монахинь, которые по его благословению ходят по гражданам местного населения и просят подаяния, мяса, сала, яиц и прочих продуктов, и тем самым воспитывают себя целиком с гнездом белогвардейской язвы» [Дело 1. Л. 46]. Член краснодолинского волисполкома П. Ф. Смирнов, перейдя к прямым оскорблениям членов общины («бывшие почти публичные женщины», «кулачки-лавочницы», «чины бывшей царской полиции»), сказал: «Организовав отряд монашек и монахинь, священник Бучнев, по всему вероятно, пускал между ними ложный слух провокационный, а этот слух они разносили как заразу среди населения» [Дело 1. Л. 40]. Член РКП(б) Д. С. Гордечев сообщил, что «во время царствования Керенского он (Бучнев. — В. А.) занял бывшего помещика Алехина дом, в котором завел монастырь, т. е. ярых приверженцев Николая», и «вообще священник Бучнев у нас все общество как-то расстроил, что бабы, например, готовы за него в огонь броситься, а часть мужчин идут против него» [Дело 1. Л. 37]. Крестьянин И. И. Насонов показал, что «священник Бучнев очень тонкий и умный человек, он с мужчинами почти ничего не говорил, а больше ведет разговор с бабами. <...> Провокационные слухи через его “монашенок” пускает, которых у него бывает много» [Дело 1. Л. 38]. В данных против о. Митрофана показаниях звучит как личная обида (кому-то он отказал в избрании ктитором из-за тюремного срока, другому по каким-то причинам в венчании и т. д.), так и не скрываемое уязвленное мужское самолюбие, если не прямая ревность.

В конце июня очередная депутация доставила в коллегия губчека три протокола собраний сельских сходов с требованием освободить священника и пристрастно допросить граждан, воз-

ведших на него напраслину. В это время прот. Митрофан Бучнев находился в Воронежской губернской реформатории (исправительно-трудовой дом), отрицая предъявленные ему обвинения в антисоветской агитации и создании контрреволюционной группы. На вопрос об организаторе общины о. Митрофан отвечал: «Организатором являюсь я, но не моя инициатива. — Кто же организатор этой общины? — Свободная воля приходящих, желающих жить при мне» [Дело 1. Л. 48]. На вопросы о девушках из его общины он ответил, что они живут при церкви и исполняют функции певчих, сторожей и просфорен. На вопрос же о политических убеждениях о. Митрофан дал достойный ответ: «Без пристрастий согласно долгу призвания» [Дело 1. Л. 28–28 об].

Вывод обвинения был противоречив — с одной стороны, утверждалось, что показания свидетелей характеризуют прот. Митрофана Бучнева как «ярого контрреволюционера», с другой — отмечалось, что значительное число людей, подписавших протоколы собраний («общественный приговор») опровергают это [Дело 1. Л. 60]. В итоге дело было направлено в Воронежский губернский революционный трибунал, который счел обвинение доказанным. Однако, несмотря на грозные обвинения, приговор был на удивление мягким — заключение в концлагерь сроком на пять лет условно [Дело 1. Л. 63]. Представляется, что решающую роль в этом сыграло народное заступничество. В условиях гражданской войны не достаточно еще окрепшая советская власть явно не рискнула идти на новую конфронтацию с населением целой волости, уже несколько раз открыто встававшим на защиту своего священника.

В 1922 г. о. Митрофан Бучнев вместе с семьей и взятыми на воспитание девушками-сиротами (Агриппиной Петровной Пономаревой, Пелагеей Ивановной Хорошиловой и Прасковьей Абашкиной) переехал на жительство в Воронеж. Здесь он поселился у пожилых сестер Прасковьи и Агриппины Павленковых по адресу ул. Бедноты, д. 61. Оставшись без прихода, прот. Митрофан продолжал служить молебны и активно боролся против обновленчества, так что в чекистских сводках за ним закрепилось прозвище «тихоновец». Переехавшие вслед за ним в Воронеж три десятка девушек из его общины разделяли отношение о. Митрофана к обновленцам. В отчетах обновленческих епископов постоянно отмечалось, что «тихоновским священникам активно помогают чернички... постоянно разоблачая обновленчество перед народом» [Дело 11. Л. 47 об.].

Протоиерей Митрофан Бучнев принял самое живое участие в судьбе приехавших в город девушек — часть из них удалось распределить по хуторам и городским семействам, устроив в качестве прислуги, оставшиеся исполняли роль певчих при молениях. Монахиня Екатерина (Е. В. Чичерина)⁵ свидетельствовала:

Протоиерей Митрофан собрал общину из девушек. <...> Но при нас община эта была в рассеянии, жили частично в городе, частично на хуторах, но связь поддерживалась [Екатерина, 137].

Впоследствии членов общины обвинят в агитации против советской власти и связях с кулачеством, хотя на самом деле сестры занимались благотворительностью — занимали на ночь очередь для тех, кто хотел попасть в тюрьму к родственникам с передачей, раздавали на вокзале теплые вещи отправляемым в Сибирь заключенным и т. д.

В Воронеже о. Митрофан познакомился с местными блаженными — Максимом Павловичем (Бессарабовым) и Феоктистой Михайловной (Шульгиной), которых он высоко почитал. Сохранился ряд воспоминаний современников о взаимоотношениях прот. Митрофана Бучнева со знаменитыми воронежскими блаженными, тесно связанными с его общиной. Так, Н. Д. Морозова⁶ пишет о глубоком почитании священником Феоктисты Михайловны, о чем свидетельствует следующая ситуация, свидетелями которой стали многие члены общины:

Однажды она сама пришла к нему. Пришла, как будто не раз бывала здесь, и говорит: «Отец, купи мне ботинки». Батюшка, как ни был строг с окружающими, с глубоким смирением, выполняя ее просьбу, сказал Нюре: «Пойди, купи ботинки, да самые лучшие». Когда Нюра принесла ботинки, красивые, желтые, матушка и говорит: «Отец, разрежь их». Батюшка смиренно разрешил сзади ботинки и, став на колени, своими руками лично

5. Екатерина, монахиня — Чичерина Елена Владимировна (09.10.1908, г. Самара — 21.07.1997, г. Владимир, Княгинин Свято-Успенский монастырь). Была арестована 26 января 1933 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной организации христианской молодежи, нелегальных собраниях, проведении антисоветской агитации», осуждена на три года концлагерей (Алтайский край, г. Бийск, Сиблаг, Чуйское отделение). После освобождения в 1936 г. Е. В. Чичерина посели-

лась в Воронеже, затем переехала в Кострому, где окончила художественную школу. С 1948 г. жила в г. Загорск (Сергиев Посад), работая в канцелярии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Реабилитирована в 1973 г. судебной коллегией по уголовным делам ВС РСФСР.

6. Морозова Нина Дмитриевна, 1922 г. р. — дочь членов общины: агронома Дмитрия Васильевича Рудакова и его жены Евгении Павловны.

одел эти ботинки матушке Феоктисте. Присутствовавшие здесь духовные дети батюшка возмутились. Их батюшка, совершивший столько чудес и исцелений, становится на колени перед какой-то дурочкой. Они стали ему говорить это. Батюшка строго на это им ответил: «Эта раба Божия в меру Антония Великого, я бы рад был день и ночь пребывать у ее ног!» [*Морозова, 185–186*].

Монахиня Екатерина (Е. В. Чичерина) оставила такое описание духовной атмосферы в Воронеже того времени:

Воронеж погружен во мрак обновленчества. Только одна церковь, за городом, православная. Добраться туда нелегко — далеко. Но духовная жизнь не замирает — благодаря двум светильникам, воронежским блаженным Феоктисте Михайловне и Максиму Павловичу. В городе они имеют несколько пристанищ: «белый дом», «красный дом»... Красный дом — в центре города. Белый — на окраине, недалеко от нас. <...> Феоктиста Михайловна всегда носила правый ботинок на левую ногу, а левый на правую, и рассказывали, что однажды о. Митрофан купил ей новые ботинки, она же надела их по своему обыкновению и велела разрезать их — что о. Митрофан безропотно и исполнил. Он почитал Феоктисту Михайловну как истинную блаженную во Христе, ценил ее духовную мудрость и был ее преданным послушником. <...> Максим Павлович помоложе Феоктисты Михайловны, ему примерно шестьдесят лет. В руках у него всегда неизменная палка и множество сумочек, меняющихся, и, говорили, не случайно, — то ключи носит, то замки. <...> Вот эти два человека, несшие подвиг юродства, непрерывно обходили город и поддерживали в нем дух благочестия [*Екатерина, 137–138*].

В свою очередь одна из членов общины — Агния Яковлевна Лихоносова вспоминала:

Лето 1928 года... Больной сердцем батюшка (отец Митрофан) лежит в маленьком своем палисадничке на складной кровати. Он в белом холщовом подрясничке, как всегда бодрый духом. Около него на табуретке сидит матушка Феоктиста Михайловна и кормит его виноградом. Батюшку она очень любит и пришла проведать его. Батюшка отвечает ей такой же любовью [*Лихоносова, 72*].

Другая современница, монахиня Ксения (Новикова), впоследствии насельница монастыря Владимирской иконы Божией Матери в Сан-Франциско, свидетельствовала:

Отец Митрофан своим духовным авторитетом и праведной жизнью стяжал любовь к себе народа; особенно те любили его, чья душа стремилась к более совершенному образу жизни... Со временем вокруг о. Митрофана образовалась полумонашеская община, которую духовно удочерила местная Блаженная, Христа ради юродивая Феоктиста Михайловна, перед которой о. Митрофан благоговел и считал себя ее послушником. Блаженная же в свою очередь очень чтит о. Митрофана и была большой его помощницей в руководстве молодых послушниц — «черничек», как их тогда называли [*Новикова, 45*].

Помимо черничек к о. Митрофану в Воронеже потянулись и другие глубоко верующие люди, искавшие в нем нравственную опору в непростые времена. Журнал «Безбожник» так напишет впоследствии о составе общины прот. Митрофана:

До десятка лиц т. н. «советской» интеллигенции (интеллигентской гнили, нередко занимающей в наших советских органах ответственные посты) и 30–40 вдовушек и девиц, преимущественно из с. Красная Долина. Поставщиками девиц являются бывшие монахи Оптиной пустыни, компаньоны Бучнева [*Зарин, 13*].

В этих пренебрежительных строчках верно только одно — в общину действительно входили представители воронежской интеллигенции (врачи, учителя, агрономы, художники), наряду с простыми людьми и так называемыми «бывшими людьми» (помещиками и дворянами). К сожалению, документы, которые позволили бы реконструировать повседневную жизнь общины прот. Митрофана Бучнева, отсутствуют. Как справедливо отмечают исследователи:

...Священники в это время были ограничены в возможностях вести полноценную документацию, потому что документы могли в любую минуту послужить обвинительным и наводящим материалом для карательных органов. Скудость церковных архивных документов лишь в какой-то мере компенсируется следственными материалами того времени, хотя это источники с ограниченной информацией и нередко тенденциозные [*Кириченко 2011, 102*].

Можно лишь предположить, что, собираясь для братского общения на квартирах супругов Уймановых, Квитченко, П. А. Фомина, члены общины проводили совместные чтения житий святых и мучеников, моления и общие трапезы. Впоследствии на суде такие братские встречи назовут «конспиративными, контррево-

люционными собраниями, привлекавшими всякого рода бывших людей, а также представителей воронежской интеллигенции» [Реутский, 4].

В конце 1920-х гг. в стране был объявлен новый антирелигиозный поход. 24 января 1929 г. было принято обращение ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», подписанное секретарем ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичем, в котором говорилось:

Наркомвнуделу и ОГПУ не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными обществами, имея в виду, что религиозные организации... являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы [Циркулярное письмо].

После принятия постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. и инструкции НКВД от 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений» преследование религиозных общин возобновилось с утроенной силой. Воронежское Полномочное представительство ОГПУ рапортовало, что в 1929–1930 гг. на территории Центрального черноземного округа (ЦЧО) были ликвидированы три церковные контрреволюционные монархические организации, четыре организации с участием церковнослужителей и 30 контрреволюционных групп [Доклад, 1477]. Одной из них стала община прот. Митрофана Бучнева, названная в оперативном деле контрреволюционной церковной группировкой «Фанатики». Священник был обвинен в организации кружка «явных монархистов с целью создать группу для противодействия мероприятиям советской власти», состоявшую из «монашек, черничек, кликуш и всякого рода бывших людей» [Реутский, 4] и 21 октября 1929 г. арестован. Вместе с ним было арестовано еще пять человек из его общины — С. М. Веретенников, В. А. Бадина, А. П. Пономарева, П. А. Фомин, П. П. Чурилов. Все они обвинялись в антисоветской агитации и распространении провокационных слухов — члены общины якобы ходили по деревням и говорили, что «советская власть осквернила землю, поэтому в Девичьем монастыре из ног Спасителя (икона) появилась кровь; это предсказание скорой войны» [Доклад, 1479]. В обвинении также говорилось о том, что:

...Будучи изобретательной в формах антисоветской деятельности группа Бучнева... не ограничиваясь использованием членов кружка, приблизив

слабоумного Бессарабова Максима Павловича и дав ему название «юродивого», повела агитацию среди населения о скором падении советской власти, зная, что на юродивого фанатика смотрят как на святого человека. В успехе своего дела Бучнев был уверен, о чем неоднократно заявлял приближенным. Даже посторонним он высказывал уверенность в скором падении советской власти [Доклад, 1479].

Проведение священником религиозных обрядов, его способность к врачеванию и определенный дар прорицания, отмечавшиеся современниками, стали поводом для предъявления ему еще и обвинения в шарлатанстве. Многочисленные свидетельства о бескорыстии о. Митрофана не помешали обвинить его также в незаконных поборах (имелись в виду добровольные взносы прихожан), кроме того были и грязные обвинения в аморальности его отношений с прихожанками.

Дело так называемой антисоветской религиозной группы М. Ф. Бучнева было передано в областной суд для придания ему показательного характера. Суд проходил в бывшем Народном доме им. Царевича Алексея, переименованном после революции в клуб им. Коминтерна, при большом стечении народа, с освещением в местной и центральной печати. Анна Анисимова, впоследствии схимонахиня Иоанна, вспоминала, что на суд пришла блаженная Феоктиста, пытавшаяся защитить о. Митрофана:

Его в начале тридцатых судили в Воронеже. Рассказывают, что на суд пыталась пройти старица Феоктиста. <...> Она юродствовала. <...> Кричала: «Пустите меня поглядеть на этого нехорошего человека! Гоните его отсюда, гоните!» [Ефремов, 34].

Судебный процесс продолжался с 27 января по 3 февраля 1930 г. К сожалению, архивно-следственное дело прот. Митрофана Бучнева автору обнаружить не удалось и единственным источником для освещения процесса является воронежская газета «Коммуна», писавшая в то время:

Заядлый монархист, священник тихоновского толка Митрофан Бучнев... втихомолку занимался самым бессовестным знахарством и шарлатанством, «изгоняя бесов» и т. п. ...Он окружил себя компанией монашек, черничек, кликуш и всякого рода бывших людей, и вскоре сколотил из них нелегальную контрреволюционную организацию, [поставив религию на службу контрреволюции и мракобесия] [Реутский, 4].

3 февраля суд вынес приговор: возглавляемая М. Ф. Бучневым религиозная «антисоветская организация... <...> ...является общественно вредной, тормозящей социалистическое строительство, особенно в деревне» [*Приговор*]. Далее говорилось, что организация делилась на две группы: одна якобы руководила антисоветской агитацией в городах и селах, поддерживала связь с границей, другая распространяла антисоветские идеи М. Ф. Бучнева и вербовала его последователей. Его ближайшим помощником и правой рукой был признан С. М. Веретенников — представитель известной воронежской купеческой семьи, отягчающим обстоятельством для которого стала эмиграция в Париж сына-белогвардейца. О нем говорилось:

Крупным влиянием в организации пользовался С. Веретенников. Он также «пророчествовал» о скором падении советской власти. По поручению организации Веретенников часто ездил в Москву и привозил оттуда различные документы, распространяя их среди посетителей [*Реутский, 4*];

...При помощи Веретенникова Бучнев вербует в свою организацию ряд последователей, готовя группу для борьбы с советским правительством. К 1927 г. они сколотили довольно многочисленный кружок [*Контрреволюционер*].

Личным секретарем о. Митрофана, «рассылавшим контрреволюционные письма всем его почитателям», была объявлена агроном В. А. Бадина.

По итогам следствия суд вынес следующий приговор: М. Ф. Бучнев и С. М. Веретенников были приговорены к пяти годам концлагерей с конфискацией имущества священника на 500 руб. А. П. Пономареву и В. А. Бадину приговорили к трем годам концлагерей; носильщика железнодорожного вокзала П. А. Фомина — к трем месяцам принудительных работ; бывшего помещика, счетовода П. П. Чурилова оправдали [*Приговор*].

Накануне ссылки о. Митрофан Бучнев получил откровение (видение) о дороге в Сибирь от святителя Иннокентия (Кульчицкого) — первого епископа Иркутского. «Зовет меня к себе он», — сказал о. Митрофан близким [*Новикова*]. Свою общину прот. Митрофан Бучнев оставил под духовным попечительством воронежских блаженных. По свидетельству А. В. Анисифоровой, на вопрос членов общины, на кого же он их оставляет, о. Митрофан ответил: «На Феоктисту Михайловну и Максима Павловича» [*Анисифорова, 260*]. Феоктиста Михайловна будет духовно

окормлять общину вплоть до своей смерти в 1940 г. М. П. Бессарабов в 1937 г. будет арестован по обвинению в участии в контрреволюционной группе, антисоветской агитации и террористических намерениях против руководителей ВКП(б) и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу [*Дело 25580. Л. 111*].

По пути в концлагерь 14 (27) марта 1930 г. (всего за несколько дней до кончины) о. Митрофан написал своим духовным чадам последнее письмо, которое сохранилось в архиве его внуков:

Пишите мне подробно обо всем, и самое главное о М. П. (Максиме Павловиче — В. А.) и Ф. М. (Феоктисте Михайловне. — В. А.)... Кланяюсь вам всем земно и прошу не бросать детей! Научите их молиться за меня и за мать. Это для них необходимо, нужно! Память обо мне сохранит их от многих зол и искушений... <...> Прошу вас всех: потерпите мои немощи! Не малодушествуйте и не ропщите! Прошу ваших святых молитв. Пишу и плачу, что всех вас связал этой нудностью. Оставайтесь с Богом! [*Изакар и др., 335–336*].

22 марта 1930 г. (4 апреля по старому стилю) о. Митрофан скончался, это произошло в день 40 мучеников севастиийских. Протоиерея Митрофана Бучнева похоронили на берегу Ангары. Обстоятельства его смерти стали известны от отбывшего лагерный срок осужденного, привезшего его родственникам личные вещи священника — очки и лапти. Когда тот заболел на пути следования в лагерь, протоиерей отдал ему свою теплую одежду, сам же простудился, получил воспаление легких и умер [*Изакар и др., 336*]. Так завершился жизненный путь о. Митрофана Бучнева, характеризующийся поразительной стойкостью, мужественным служением вере и самопожертвованием.

Узнав о смерти о. Митрофана, члены его общины долгое время не могли в это поверить, не могли представить своей жизни без его духовного попечительства. Агния Лихоносова пишет:

22 марта (по церковному календарю) 1930 года скончался наш батюшка — далеко от нас, на чужбине. Мы были в большом горе и даже в каком-то недоумении. Мы не могли себе представить, что батюшка мог умереть, да еще так скоропостижно, и первое время по получении этой вести просто не верили в его смерть. Думали, это умер кто-то другой и нам ошибочно сообщили. Но то была правда. Мы осиротели, стали страшно одиноки душой [*Лихоносова, 72*].

Однако смерть духовного отца стала лишь первым испытанием среди тех, которые предстояло перенести многим из членов

общины. Вскоре начались аресты, связанные не только с гонениями на носителей веры, но и с их социальным происхождением или принадлежностью к той или иной сфере профессиональной деятельности, против представителей которой были возбуждены дела по обвинению во «вредительстве» и препятствованию социалистическому строительству.

Ниже приводится состав общины прот. Митрофана Бучнева, который автору впервые удалось выявить по опубликованным и архивным источникам [*Дело 25580; Дело П 10083; Доклад; Анисифорова; Лихоносова; Зарин; Реутский; Контрреволюционер*].

1. Абашкина Прасковья.

2. Амосова Зинаида — жена ревизора ЮВЖД.

3. Анисифорова Анна Васильевна (1896–21.02.1967) — уроженка г. Воронежа, окончила математический факультет МГУ, бывшая служащая Московского областного статистического отдела. В 1924 г. была арестована в Москве за участие в Русском студенческом христианском движении (вменялись связи с заграницей), после освобождения переехала к матери в Воронеж (Чернавская ул., д. 10). А. Анисифорова — духовная дочь блаженной Феоктисты Михайловны, называвшей одну из сопровождавших ее девушек — Анну «красноноско-водовозка» за ее красный нос (предположительно это келейница Феоктисты — Анна Петровна Козлова, известная воронежская праведница, скончавшаяся в 1980 г. — В. А.), а Анну Васильевну — «белая девка». Из послушания А. Анисифорова отказалась от земных благ и комфорта и сопровождала блаженную в ее странствиях с 1929 по 1940 гг.

4. Бадина Вера Александровна — дочь помещика Симбирской губернии, агроном. На следствии названа «личным секретарем» прот. Бучнева, рассылавшим от его имени «контрреволюционные» письма.

5. Бессарабов Максим Павлович — блаженный, Христа ради юродивый. Родился в 1882 г. в г. Калач Воронежской губернии, из крестьян, неграмотный, безработный. Арестован 27 июля 1937 г. в с. Новоольшанка Нижнедевицкого района Воронежской области. При обыске у него не оказалось никаких вещей, ценностей и документов, кроме медного креста на железной цепочке, который и был изъят [*Дело 8573. Л. 55*]. Бессарабов был обвинен в участии в контрреволюционной группе, а также в том, что «бродяжничал по селам, проводил агитацию, направленную на развал колхозов и распространял контрреволюционные монархические листовки, высказывал террористические намерения против руководителей

ВКПб» [Дело 8573. Л. 111]. Осужден 23 августа 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Воронежской области по ст. 58-10 и приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 28 августа 1937 г. Реабилитирован 17 июня 1989 г. прокуратурой Воронежской области [Книга памяти, 37].

6. Ватутин Михаил Тимофеевич — преподаватель школы № 3 II ступени г. Воронежа. Выходец из крестьянской семьи, окончил Воронежскую духовную семинарию в 1906 г. и Московскую духовную академию в 1910 г. Защитил диссертацию на тему «Учение апостола Павла о спасении Израиля (Толкование Послания к римлянам. XI гл.)», получив степень кандидата богословия. Преподавал гомилетику, литургику и практическое руководство для пастырей в Воронежской духовной семинарии. С 1910 г. — коллежский асессор, с 1911 г. состоял действительным членом Воронежского историко-археологического комитета, миссионерского совета, секретарем правления духовной семинарии.

7. Веретенников Сергей Митрофанович — родился 3 июня 1869 г. в известной воронежской купеческой семье, получил среднее образование. До революции был потомственным почетным гражданином г. Воронежа, членом правления товарищества механического завода «В. Г. Столь и К°», его уполномоченным в городской думе (1901–1909), членом партии кадетов, активным деятелем местного отделения Общества правильной охоты. В 1930 г. по обвинению в участии в «антисоветской группе М. Бучнева» сослан в концлагерь на пять лет. После освобождения 25 сентября 1935 г. был вновь арестован. Осужден 31 марта 1936 г. приговором Специальной следственной коллегии Воронежского областного суда по ст. 58-10 на три года заключения. Наказание отбывал в тюрьме в г. Воронеже. Реабилитирован 19 февраля 1992 г. прокуратурой Воронежской области [Книга памяти, 73].

8. Екимова Мария Ивановна — бывшая учительница.

9. Квитченко Порфирий — экономист Облторготдела и агроном.

10. Квитченко Анна Яковлевна — жена П. Квитченко, бывшая домовладелица, инженер завода им. Ленина, проживала на ул. 9 января.

11. Лихоносова Агнесса (Агния) Яковлевна (сестра А. Я. Квитченко) — духовная дочь и сподвижница старицы Феоктисты Михайловны с 1928 по 1940 гг. Образование — высшее. Ее воспоминания являются одним из основных источников для изучения жизни блаженной Феоктисты. В сводках ОГПУ о сестрах Лихоносовых значится: «Их отец Генрихсдорф эмигрировал в Германию,

имеют в Москве близких родственников Бари, бывших до революции пайщиками в предприятии их отца» [Доклад]. Во время войны А. Лихоносова находилась в эвакуации, затем жила со своим слепым мужем и дочерью Ниной в Москве.

12. Мануйлов Алексей Павлович (15/28.03.1900, Воронежская губерния — 14.01.1986, Джорданвилль, шт. Нью-Йорк, США) — окончил агрономический факультет Воронежского сельскохозяйственного института. Сын священника о. Павла Мануйлова и Анны Константиновны (урожд. Григорьевской). В 1924 г. женился на дочери прот. Митрофана Бучнева Надежде. Эмигрировал вместе с ней в 1943 г. в Германию, жил в лагере для перемещенных лиц, исполняя в церкви обязанности псаломщика. Перейдя в юрисдикцию РПЦЗ, был псаломщиком в разных приходах в Германии. После смерти жены (15.02.1953) поступил в монастырь преподобного Иова Почаевского в Мюнхене, приняв по совету духовника, архиепископа Брюссельского и Западно-Европейского Иоанна (Максимовича) постриг с именем Митрофана. В 1954–1958 гг. был настоятелем церкви Воскресения Христова в г. Тунисе, также окормлял русскую православную общину в г. Бизерте (Тунис). В 1958–1961 гг. был помощником настоятеля храма Всех Святых, в земле Российской просиявших, в Париже, с 1961 г. — игуменом. Одновременно состоял законоучителем в Русском кадетском корпусе в Версале. В 1964 г. переехал в США, где стал настоятелем Свято-Тихоновской церкви в Сан-Франциско (1964–1985), архимандритом (1967). С 1985 г., выйдя за штат, проживал в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, где и скончался [Российское зарубежье, 200].

По свидетельству современников, А. П. Мануйлов «смотрел на своего тестя как на великого духовного руководителя, духовника и душеведца и благоговел пред ним» [Новикова].

13. Павленкова Прасковья — одна из двух сестер, у которых прот. Митрофан Бучнев поселился в Воронеже по адресу: ул. Бедноты, д. 61.

14. Павленкова Агриппина.

15. Пономарева Агриппина Петровна.

16. Присяжный Михаил Калинович — дьякон Ильинской церкви; в прошлом высланный административно казачий офицер.

17. Рудаков Дмитрий Васильевич — родился в 1888 г. в сл. Воронцовка Россошанского уезда Воронежской губернии. Образование — высшее, занимал должность областного агронома Воронежского областного земельного управления, а также был

научным сотрудником Облплана. 13 июля 1930 г. был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации Трудовая Крестьянская партия. Постановлением Коллегии ОГПУ от 18.02.1931 г. в числе руководителей партии был приговорен к высшей мере наказания, которая была заменена заключением на десять лет в Карагандинский концлагерь. В порядке частной амнистии срок был сокращен и в июле 1933 г. Рудаков освобожден из заключения, однако в 1937 г. он был осужден вторично на три года заключения. Впоследствии проживал с семьей в г. Загорске. В 1956 г. он давал показания в связи с началом процесса по реабилитации осужденных по делу сфабрикованной Трудовой Крестьянской партии. Военным трибуналом Воронежского военного округа 28 мая 1957 г. приговор был отменен и дело прекращено с полной реабилитацией Д. В. Рудакова [*Дело П 10083. Т. 9. Л. 271, Т. 13. Л. 264–266*].

18. Рудакова Евгения Павловна (урожденная Проценко) — жена Д. В. Рудакова, окончила Высшие женские курсы. До революции входила в Московский христианский студенческий кружок, возглавляемый известным мыслителем и публицистом В. Ф. Марцинковским. После ареста мужа осталась с четырьмя детьми без средств к существованию, вскоре была выслана из Воронежа. В январе 1932 г. Е. П. Рудаковой разрешили свободное перемещение по стране и она возвратилась в Воронеж, однако ее материальное положение оставалось крайне тяжелым. В надежде на помощь она обращалась в «Общество помощи политзаключенным», возглавляемое Е. П. Пешковой. В письме от 29 мая 1933 г. Е. П. Рудакова писала:

Екатерина Павловна, как к женщине, как к матери я обращаюсь к Вам — помогите голодным детям. Это не слова, а тяжелый факт жизни. Ведь детей ждет смерть. Что же мне делать? На их голод не могу смотреть. Два года до возвращения отца мы не переживем. Помогите нам. Я не знаю, как просить Вас, — ведь есть буквально нечего, и никаких перспектив относительно работы нет. А впереди еще, кроме голода, холодная зима. Ужас берет... Положение мое крайне тяжелое. 8-летняя девочка от недостатка питания больна туберкулезом. С детьми и нищетой измучилась до крайности. <...> Возвратите моим детям отца, не дайте им умереть с голоду, не думайте, что это слова — нужду мы несем ужасную [*Дело 977. Л. 119*].

19. Светозарова Евдокия — учительница; родилась 14 августа 1878 г. в семье свящ. Порфирия Доримедонтовича Светозарова,

служившего в с. Верхняя Гайворонка Землянского уезда Воронежской губернии. В 1890–1896 гг. обучалась в Воронежском епархиальном женском училище.

20. Светозарова, сестра Евдокии (имя неизвестно).

21. Уйманов А. — приказчик Воронежторга, проживал на пр. Революции, д. 54.

22. Уйманова Варвара Александровна — его жена.

23. Фомин Петр Алексеевич — носильщик воронежского вокзала (ст. Воронеж-1), жил на ул. Средне-Смоленской, 34. У него проживал блаженный Максим Бессарабов.

24. Хорошилова Пелагея Ивановна.

25. Чирко Елизавета Алексеевна — жена советского служащего.

26. Чурилов Павел Павлович — 1868 г. р., счетовод, бывший помещик, административно высланный. Предположительно, это о его смерти оставила воспоминания А. Лихоносова:

Умирал наш дорогой сосед — старик Павел Павлович. Однажды он мне рассказал про матушку (хотя вообще не жаловал юридичек): «Она самая умная, самая добрая и самая хорошая, какую я когда-либо знал». Павел Павлович умирал от гнойного плеврита, и болезнь шла так быстро, что не успели позвать священника, которого нелегко было тогда найти. У нас ночевала матушка. Ночью Павлу Павловичу было очень плохо, и, вероятно, его мучила сильная боль. Он был в полной памяти и громко стонал, так что и у нас слышно было. Мы стали просить матушку сходить к нему. Она велела положить варенье в блюдечко и пошла... Ее посещение было особенное, какое-то торжественное и благодатное. Она подошла к его кровати и села на стул, подала ему блюдечко с вареньем и велела все съесть. Павел Павлович ел без сопротивления и только говорил: «Какая сладость, какая сладость», и боли как будто не чувствовал. Матушка посидела молча и ушла, мы за ней вышли. Павел Павлович притих и больше не стонал. Он умер на следующий день без сильных мучений [Цит. по: *Миронова*].

27. Чурилова Наталья — преподаватель музыкального техникума.

28. Чугунов Яков Яковлевич — агроном, родился в 1890 г. в с. Васьково Сыченокского уезда Смоленской губернии в крестьянской семье. В 1912 г. поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию. С 1917 г. работал в г. Туле в сельскохозяйственной кооперации; в 1919–1921 гг. — в г. Острогожске Воронежской губернии заведующим подотделом коллективных хозяйств (Уколхоз), с августа 1921 г. по день ареста 22 августа

1930 г. — заведующий отделом луговодства Воронежского отделения сельскохозяйственной опытной станции (ВОСХОС) в с. Никольском (Никольское опытное поле), имел печатные работы по луговодству. Был арестован ОГПУ по Воронежской области по обвинению в участии в группировке Трудовой Крестьянской партии. 18 февраля 1931 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по ст. 58, пп. 7, 10, 11 был приговорен к 10 годам заключения в концлагерь (Сиблаг) с конфискацией имущества и высылкой семьи [Дело П 10083. Т. 9. Л. 592–594]. Его жена и пятеро детей в возрасте от двух до 14-ти лет в ссылке остались без средств к существованию, один ребенок умер.

28 мая 1957 г. Я. Я. Чугунов был реабилитирован Военным трибуналом Воронежского военного округа, однако до этого момента не дожил. Его жена — учительница на пенсии Надежда Александровна Чугунова, проживавшая в г. Нахабине Московской области, писала в адрес Военного трибунала Воронежского военного округа:

...10 человек не признали себя виновными в принадлежности к партии ТКП и не слышали о ней. Среди них и мой муж Чугунов Яков Яковлевич. О своей невинности он писал и мне. Письмо передо мной. Мужа уже нет в живых, но хотелось бы, чтобы хоть посмертно его имя было чисто... [Дело П 10083. Т. 14. Л. 972–973].

29. Шпиганович Владимир Иванович — врач, состоял в переписке с Л. Н. Толстым. В письме от 6 октября 1910 г. Шпиганович рассказал ему об одном враче (очевидно, подразумевался он сам), стремившемся переменить обеспеченный образ жизни и поселиться среди бедноты, но встретившем противодействие жены и детей. В ответном письме из Ясной поляны от 9 октября 1910 г. Л. Н. Толстой написал:

Нет тех условий, в которых человек не мог бы исполнить требований своей совести. Они могут быть очень трудны, как они трудны в прекрасно описанном вами случае. Но дело все в том, что условия становятся невыносимо трудными только тогда, когда подлежащий им человек ставит задачей своей жизни устройство ее в известных, определенных им в своем воображении, внешних условиях (поставить себя в условия бедности, равные большинству народа), а не служение делу Божию посредством увеличения в себе любви во всех, каких бы то ни было условиях. Только смотри он так на свое положение, и оно представится ему не несчастьем, не препятствием в деле жизни,

а испытанием, материалом для работы над собой в деле увеличения любви... [Толстой, 183].

На конверте письма Шпигановича Толстой пометил: «Спросить у Душана (Душан Петрович Маковицкий — врач семьи Толстого. — В. А.), кто это?»

30. Шитов Алексей Кузьмич — художник, родился 2 декабря 1884 г. в с. Песчаное Троицкого уезда Оренбургской губернии (в советское время — Челябинской области). Окончил частную художественную школу «Онеллес». В 1918–1919 гг. учился в Высшем Московском художественном училище, затем стал священником. 13 ноября 1924 г. был арестован по обвинению в принадлежности к Русскому студенческому христианскому движению, признанному контрреволюционным. Осужден 12 декабря 1924 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ по обвинению в «участии в неразрешенном обществе» по статье 61 УК РСФСР (групповое дело «дело “Христианского студенческого союза”, Москва, 1924 г.»). В Воронеже проживал по адресу: Кречетниковский пер., д. № 7, кв. 5. Реабилитирован 29 ноября 1988 г. прокуратурой СССР [Новомученики].

31. Шульгина Феоктиста Михайловна (1855–1940) — подвижница, Христа ради юродивая. Родилась в Новочеркасске в дворянской семье с именем Анфиса, получила хорошее образование, которое впоследствии старалась тщательно скрывать. После смерти мужа — морского офицера, погибшего во время русско-японской войны 1904–1905 гг., решила посвятить себя Богу. Проведя несколько лет в странствиях по святым местам, Шульгина приняла постриг с именем Феоктисты («Богом созданная», вместо прежнего имени — «цветущая»), более соответствующее избранному ею многотрудному пути, так как она взяла на себя подвиг юродства во Христе. Феоктиста, имевшая дар прозорливости и исцеления, была принята в число насельниц Покровского женского монастыря в г. Воронеже и прожила в нем вплоть до закрытия в 1929 г. Она была в большой духовной дружбе с архиеп. Петром (Зверевым) и свящ. Митрофаном Бучневым. Скончалась 6 марта 1940 г. В 2009 г. состоялось перенесение честных останков блаженной Феоктисты Михайловны с городского Левобережного кладбища Воронежа в некрополь Алексиево-Акатова женского монастыря, ныне ее могила является местом паломничества.

Источники

1. *Анисифорова* = Анисифорова А. В. Записки Анны Васильевны Анисифоровой, которая ходила с матушкой Феоктистой по «дорогам» // Жены-мироносицы XX века / Сост. А. Ильинская. М. : Паломник, 2005. С. 253–266.
2. *Дело 1* = ГАВО. Ф. Р-1676. Оп. 1. Д. 1.
3. *Дело 11* = ГАВО. Ф. 2565. Оп. 1. Д. 11.
4. *Дело 168* = ГАЛО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 168.
5. *Дело 25580* = ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 25580.
6. *Дело 8573* = ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 8573.
7. *Дело 977* = ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 977.
8. *Дело П 10083* = ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П 10083.
9. *Доклад* = Доклад ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 октября 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. Ч. 2. 1930 г. М. : Наука, 2008. С. 1458–1503.
10. *Зарин* = Зарин П. Как они работали // Безбожник. 1930. № 6. С. 13.
11. *Контрреволюционер* = Контрреволюционер под маской «прозорливца». Дело священника Бучнева // Коммуна. 1930. 29 января. № 23. С. 5.
12. *Лихоносова* = Лихоносова А. Я. «Она ушла к себе домой...» : Воспоминания о блаженной Феоктисте // ВЕВ. 2003. № 1. С. 72–77.
13. *Морозова* = Морозова Н. Д. Воспоминания. Матушка Феоктиста Михайловна // Жены-мироносицы XX века / Сост. А. Ильинская. М. : Паломник, 2005. С. 177–238.
14. *Приговор* = Приговор по делу Бучнева // Коммуна. 1930. 4 февраля. № 28. С. 4.
15. *Разрядный список* = Разрядный список воспитанников Воронежской духовной семинарии, составленный после выпускных испытаний, произведенных в мае-июне 1897 г. // ВЕВ. 1897. № 13. С. 248–267.
16. *Распоряжения 1897* = Распоряжения епархиального начальства // ВЕВ. 1897. № 23. С. 479–481.
17. *Распоряжения 1898* = Распоряжения епархиального начальства // ВЕВ. 1898. № 11. С. 189–190.
18. *Распоряжения 1902* = Распоряжения епархиального начальства // ВЕВ. 1902. № 18. С. 339–341.
19. *Распоряжения 1906* = Распоряжения епархиального начальства // ВЕВ. 1906. № 2. С. 12–16.
20. *Распоряжения 1908* = Распоряжения епархиального начальства // ВЕВ. 1908. № 22. С. 415–420.

21. *Реутский* = Реутский И. Житие Митрофана Бучнева // Коммуна. 1930. 5 января. № 4. С. 4.
22. *Список* = Список пастырей и верных чад Русской Православной Церкви, невинно убиенных за веру Христову в годы Советской власти // ВЕВ. 1992. № 1–2. С. 36–40.
23. *Толстой* = Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Серия 3 : Письма. Т. 81–82 : [1910 (январь-апрель) — 1910 (май-ноябрь)]. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. 335 с.
24. *Циркулярное письмо* = Из циркулярного письма ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (Утверждено ЦК ВКП(б) 24 января 1929 г.). Архив Александра Н. Яковлева URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110> (дата обращения: 10.11.2017).
25. *Екатерина* = Екатерина (Елена Владимировна Чичерина). Воспоминания // Жены-мироносицы XX века / Сост. А. Ильинская. М. : Паломник, 2005. С. 130–152.

Литература

1. *Блаженная Феоктиста* = Блаженная Феоктиста Михайловна Шульгина // Монастырский вестник. URL: http://monasterium.ru/monastery/svyatie/blazhennaya-feoktista-mikhaylovna-shulgina-voronezhskiy-alekseevsko-akatov-monastyr/?from_monastery=32297 (дата обращения: 10.11.2017).
2. *Емченко* = Емченко Е. Б. Православные женские общины в России в последней трети XVIII — начале XIX века // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 151–161.
3. *Ефремов* = Ефремов Э. П. «Ходим по дорогам святых...». Воронеж : Воронеж. обл. тип.-изд. им. Е. А. Болховитинова, 2009. 277 с.
4. *Изакар и др.* = Изакар Андрей, прот., Макеев Н. В., Козак Е. Н. Жизнеописание блаженной Феоктисты Воронежской (Анфисы Михайловны Шульгиной, 1855–1940), Христа ради юродивой, память 21 февраля/6 марта : Материалы к канонизации // Труды преподавателей и выпускников Воронежской православной духовной семинарии. Воронеж, 2012. Вып. 6. С. 313–366.
5. *Кириченко 2010* = Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX в.) : Автореферат дис. докт. ист. наук : 07.00.07 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2010. 38 с.
6. *Кириченко 2011* = Кириченко О. В. Православное женское монашество в советское время // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 101–114.

7. *Книга памяти* = Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Т. 3. Воронеж : Воронежская обл. типография, 2017. 392 с.
8. *Миронова* = Миронова К. «Это раба Божия в силу Антония Великого» // Православный крест: Информационный вестник. 2014. 1 марта. № 5 (101). С. 12.
9. *Новикова* = Новикова Ксения, мон. Блаженная Феоктиста Михайловна, Воронежская Христа ради юродивая // Русский паломник. 1999. № 19. С. 45.
10. *Новомученики* = Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 10.11.2017).
11. *Российское зарубежье* = Российское зарубежье во Франции, 1919–2000 : Биографический словарь : В 3 т. Т. 2 : Л–Р. М. : Наука : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 683 с.
12. *Тульцева 1999* = Тульцева Л. А. К этнопсихологической характеристике одного типа русских женщин: Христовы невесты (чернички) // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 286–292.
13. *Тульцева 2006* = Тульцева Л. А. Сельское черничество как путь религиозного служения Богу и миру (конец XIX–XX век) // Россия в духовных поисках современного мира : Материалы Второй всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород : Глагол, 2006. С. 209–227.

Список сокращений

ВЕВ	Воронежские епархиальные ведомости
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ГАЛО	Государственный архив Липецкой области
ГАОПИВО	Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации

V. A. Allenova

Voronezh Community of Archpriest Mitrofan Buchnev

The article introduces into academic discourse the history and composition of the women's religious community created before the revolution in Red Valley village, Zadonsk district, Voronezh province, by Priest Mitrophan Fyodorovich Buchnev whose name is included in the database "New Martyrs, Confessors for Christ who suffered during the persecution of the Russian Orthodox Church in the XX century". After his conditional conviction in 1920 and his relocation to Voronezh, some members of the community followed him. Soon this association became the centre of attraction for Voronezh believers from different social strata. The life journeys of the community members and of the priest himself are traced on the basis of documentary sources.

KEYWORDS: Voronezh, M. F. Buchnev, Blessed Theoktista, community, chernichki, repression against clergy, concentration camp.